

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIII • 2020 • № 2

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

**Посвящается 300-летию юбилею открытия тюркской
рунической письменности**

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
и дата принятия решения
о регистрации в Федеральной
службе по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор):
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,
профессор (Россия)*
С. Чулуун, *доктор исторических наук, профессор
(Монголия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Выпускающие редакторы номера:

М. А. Козинцев (ИВР РАН), И. В. Кормушин (ИЯ РАН)

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: http://www.pvost.org

Подписано в печать 01.12.2020

Формат 60×90¹/₈. Объем 13³/₄ печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. *e-mail: editor@isvoe.ru*

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/sqn6-ky22

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2020
© Коллектив авторов, 2020

В НОМЕРЕ:

Слово о Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и <i>лоивановцах</i> (Т. И. Султанов)	5
--	---

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. К. Абдиев, К. Ш. Табалдиев. Новые находки: тюркские рунические надписи на хуме и балбале	8
Т. А. Аникеева. Вольфрам Эберхард и тюркология: о неопубликованном исследовании В. Эберхарда по тюркскому эпосу.	14
М. Е. Dubrovina. Graphemes for vowel expression in the ancient turkic runic script.	20
Д. Коç, К. Yıldırım. The Word ‘Tatar’ in Various Forms in Chinese Sources	23
И. В. Кормушин. Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера.	26
А. А. Туранская. “Uigurische Sprachdenkmäler” В. В. Радлова: конкорданс	30
Ф. Г. Хисамитдинова. С. Г. Кляшторный и представления башкир о божествах и божественных силах Нижнего мира	39
А. Ш. Юсупова. Учебные словари татарского языка XIX в.	44
Т. И. Юсупова. Научные командировки российских востоковедов в Турцию, 1920–1930-е годы: цели и результаты	49

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ: ФИЛОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Л. С. Дампилова, Д. Наранцэцэг. Символический язык шаманских песнопений бурят России и Монголии.	54
Ю. И. Дробышев. Образ Чингис-хана в средневековых европейских источниках	59
А. Мөнх-Оргил. Романтизм в творчестве монгольского писателя и драматурга Л. Вангана (1920–1968)	71
Д. А. Носов, Сэцэнбат. Сказки о Мастере-Аргачи на просторах Центральной Азии	76
В. З. Церенов. Изображение ворона на шлеме Хонгора, героя эпоса «Джангар»	82

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Ю. А. Боев. О переводах тайской литературы в СССР и России	89
О. В. Лундышева. Фрагмент связанного с грешными деяниями Девадатты древнеуйгурского текста из коллекции ИВР РАН	98

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. Арванити, Ю. В. Кузьмин. Рец. на: <i>Полянская О. Н.</i> Монголоведение в России первой половины XIX века: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 2019. 321 с.	106
Т. Д. Скрынникова. Рец. на: <i>Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Ямпольская Н. В.</i> Буддийский монастырь Аблай-хит / науч. ред. Д. А. Воякин. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. 400 с., ил. ISBN 978-601-7253-19-6.	107
Ж. М. Юша. Фольклорные традиции бурят Китая. Рец. на: <i>Цыбикова Б-Х. Б.</i> Фольклор шэнэханских бурят / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.	108

И. В. Кормушин

Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера *

DOI 10.25882/12ap-ax71

© И. В. Кормушин, 2020

Настоящая статья посвящена вопросам участия древних тюркских диалектов в сложении древнетюркского литературного языка. Этот письменный язык впервые был представлен мировой тюркологии в 1893–1895 гг. после открытия, дешифровки и первых прочтений памятников руноподобного (в русской традиции теперь чаще «тюркского рунического») письма древнейшего круга — конца VII — первой половины VIII в., с реки Орхон, в средне-западной части Монголии, сохранившихся до наших дней на месте центров Древнетюркского каганата, существовавшего здесь в 552–744 гг. Речь идет о ныне широко известных всем тюркологам надписях на массивных каменных стелах, воздвигнутых в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, а также о близких им в государственно-политическом отношении памятниках в честь Тоньюкука, Эль-Этмиша (Онгинской), Кюли-Чора, надписи на каменном изваянии воина из Чойра и нескольких менее крупных текстах, открытых позднее.

Ключевые слова: диалектное членение тюркских языков в древности, составной характер древнетюркского письменно-литературного языка, интердиалектное тюркское койне VII–VIII вв., «Словарь» Махмуда Кашгарского XI в. как источник сведений о диалектных различиях более раннего времени.

Кормушин Игорь Валентинович — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел Урало-Алтайских языков Института языкознания РАН (Россия, 125009 Москва, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1).

iling@iling-ran.ru

С появлением уже первых стабильных переводов, полученных благодаря неиссякаемой энергии В. В. Радлова, В. Томсена и их коллег и соратников, ученые сразу признают высокий уровень выразительности языковых средств этих произведений и почти единодушно высказываются в том плане, что столь развитый письменный язык не мог появиться «вдруг», «ниоткуда», «на пустом месте». Для этого требовалось длительное время формирования и «обкатки» лексических и грамматических средств древнетюркского языка. Поскольку перечисленные надписи были первыми фиксациями **тюркской** речи, тюркологам ничего другого не оставалось, как пред-

положить, что длительная выработка искусных форм речи происходила в рамках существования традиции устных поэтических преданий о богатырях. Из этого жанра впоследствии легко рождались рассказы о реальных героях — каганах и полководцах. Эти рассказы запечатлевались на каменных стелах специальным — руническим, или руноподобным, — письмом.

И все же главная предпосылка к созданию наших, теперь уже можно сказать: бессмертных (несмотря на многие текстуальные потери вследствие вмешательства людей, воздействия природных стихий) словесных произведений — не камень как долговечный материал, не специальное письмо, хорошо подходящее для выбивки по камню, а язык. Язык, который кочующие по племенам и весям рапсоды расширяли на потребу слушателям каждый раз новой диалектной аудитории им понятными специфическими лексемами, фонетическими и грамматическими формами, образными сравнениями и эпитетами, одновременно обогащая и свой язык, и языковую компетенцию слушателей уже иных диалектных групп. Это обычная для многих древних обществ практика данного вида интеллектуальной деятельности. Так, по-

* Исследование выполнено при поддержке Программы РФФИ в рамках проекта № 19-012-00161; впервые основные положения работы были сообщены в докладах на двух международных конференциях: 1) по-турецки, в Стамбуле, 29.11.2019, на Международном симпозиуме «Древнетюркские надписи Монголии», организованном Стамбульским госуниверситетом; 2) по-русски, в Санкт-Петербурге, 12.02.2020, на Четвертой Международной научной конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Памяти С. Г. Кляшторного», организованной Институтом восточных рукописей РАН.

степенно, без навязывания, в свободной манере «приживется/не приживется», в течение многих поколений профессиональных сказителей был выработан устный междиалектный поэтический язык. Единственно на основе этого устного языка, а не «вдруг» «и ниоткуда» мог выработаться и проявиться вполне себе обкатанный, порой на зависть отшлифованный орхонский (и последующие его эманации) письменно-литературный язык. Тщательно изучая разноплановую (а для нас это — разнодиалектная, если мы не находим другого объяснения) словесную материю письменных произведений, — поскольку предшествовавшие им и послужившие основой и образцом для них устные поэтические произведения древнейшей поры в большинстве своем, к сожалению, до нас не дошли, — исследователь способен проникнуть не только в междиалектные взаимодействия данного (для нас — тюркского) языка, но и «зацепить» межнациональные влияния и взаимодействия, например, бродячие сюжеты, этические нормы, политические установки и т. п., что, впрочем, выходит за чисто лингвистические проблемы сложения интердиалектного койне.

Однако уже этот последний из названных факторов показывает, что, в отличие от естественного развития диалектов, в становлении литературного языка важную роль играл фактор субъективно-авторский. Каждый поэт — сознательно или бессознательно — привносил в свою речь и свои идеи, и свойственные ему идиоэтнические черты языка, возводя или пытаясь возвести их в ранг образца. И получалось, что на различных этапах истории тюркских языков междиалектное взаимодействие в процессе сложения литературной нормы давало на разных этнических территориях неодинаковые результаты. Так у специалистов-тюркологов возникло представление о том, что язык некоторых современных и древних тюркских языков является «смешанным». Первым такую идею выдвинул Ф. Е. Корш в своей классификации тюркских языков. У него «смешанная группа» состоит из двух подгрупп: первая представлена рядом диалектов современного уйгурского языка и средневековым письменно-литературным чагатайским языком; вторую подгруппу составляют такие разноплановые языки, как якутский и чувашский. В. В. Радлов в своем расширенном варианте классификации, скорректированном под влиянием классификации Ф. Е. Корша, дополнил свой первоначальный вариант распределением древнетюркских диалектов, прежде всего орхонских и древнеуйгурских памятников. Это у него соответственно «древний северный» и «древний южный» диалекты, а вот третий у В. В. Радлова — «смешанный диалект», представленный буддийскими и манихейскими текстами, а также языком канарского списка «Кутагду билиг» (подробнее см.: [Конов, 1980. С. 320–321]).

Хотя понятие «смешанности» и было запущено в научную литературу в 1910–1911 гг., ясного понимания этого феномена тогда еще не сложилось. У Корша и Радлова оно носит несколько «размытый», при-

близительный, без четких критериев характер, о чем свидетельствует разный состав смешанных языков/диалектов у обоих ученых. Более точное понимание содержания концепта «смешанности» диалектов пришло в тюркологию совсем скоро — через десятилетие после первого опыта применения его Коршем и Радловым. Это новое понимание указанного концепта стало возможным в результате осмысления данных о древних тюркских диалектах, ставших понятными тюркологам после прочтения только что обретенного из шестивекового (!) забвения изданного в Турции в 1915–1917 гг. «Словаря» Махмуда Кашгарского. С окончанием Первой мировой войны (а может быть, и чуть ранее) «Словарь», по всей очевидности, достигает России, где с ним мог познакомиться А. Н. Самойлович.

В декабре 1918 г. на заседании «Радловского кружка» Самойлович выступил с первым вариантом своей классификации тюркских языков, который он скромно назвал «Некоторые дополнения к классификации турецких языков» [Самойлович, 1922]. Хотя в действительности это была достаточно существенная перестройка не только в отношении основной классификации, но и в части состава ряда групп по языкам. Ни в первом докладе 1918 г., ни в последующей публикации в 1922 г. труда под тем же названием еще не сделано формальной отсылки к «Словарю» Кашгари. Однако в них уже назван «дополнительный к классификации Корша фонетический признак» — «чередование звуков $d(m)$, $z(c)$, y в середине и на конце слов: *адак, атак, азак, айак* ‘нога’; *код, кот, кос, кой* ‘положи’» [Самойлович, 1922. С. 81]. Приведенные примеры полностью повторяют примеры и их очередность у Кашгари, ср. по нашему изданию: [МК ДЛТ, 2010. С. 78].

Для начального этапа письменно-литературного языка — эпохи старших орхонских надписей конца VII — первой половины VIII в. характерно, можно сказать, бросается в глаза взаимодействие двух тюркских диалектных стихий — *тюркютской* (пра-турецко-туркменской) и *токуз-огузской* (прауйгуро-карлуцкой). Т. е. тех, что в основных современных классификационных номенклатурах — В. В. Радлова, Ф. Е. Корша, А. Н. Самойловича и др. — составляют давно распочковавшиеся и разные ветви тюркского родословного древа: западную (огузо-кыпчакскую) и восточную (уйгуро-токузогузскую). А потому сочетание в одном тексте лексических единиц, обнаруживающих языковые признаки, характерные для одной из этих ветвей, наряду с лексемами, обладающими признаками, контрадикторными к этой уже выявленной фонетико-грамматической особенности, не может быть ничем иным, как сознательным, авторским «сочетанием несочетаемого». Одной из причин применения указанных приемов является стремление к стиливому отбору выразительных средств. За счет привлечения архаизирующихся, более старых форм авторы стремятся создать ощущение большей торжественности, «монументальности» литературно-исторического текста, отличающее его

от «обыденного» языка. Особенно явно тенденции стилевого отбора стали проявляться на последующих этапах развития литературного языка — позднеревнеуйгурском (IX–X вв.), раннесредневековом (XI–XII вв.) и особенно на этапе бурного расцвета литературы XIII–XIV вв. в Средней Азии и Золотой Орде. Целой плеядой российских и зарубежных ученых — П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович, А. П. Якубовский, А. К. Боровков, А. М. Щербак, Э. Н. Наджип, Г. Ф. Благова, А. Инан была выработана довольно дробная номенклатура смешанных литературных языков.

Для наиболее раннего этапа сложения древнетюркского литературного койне остается один, но может быть, главный вопрос. Да, спорадические вкрапления разноречивых форм в древнетюркский литературный язык — вещь понятная. Но какой диалект послужил основой создания этого литературного языка, был его *опорным* диалектом, а какой или какие диалекты несли в состав выразительных средств добавления, необходимое разнообразие и гибкость, — этот вопрос получает неоднозначную оценку специалистов.

А. Н. Кононов в своей «Грамматике языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.» [Кононов, 1980], обобщившей его многолетний опыт преподавания данной дисциплины, писал, что язык памятников впитал в себя «наиболее характерные черты двух в ту пору наиболее крупных языковых групп — уйгурской и огузской, в силу чего [этот] язык ... представляет собою, как и всякий письменно-литературный язык, довольно пеструю картину в отношении использования грамматических форм уйгурского и огузского фондов» [Кононов, 1980. С. 4]. Словно бы чуть варьируя аналогичное заключение, Э. Р. Тенишев в томе «Тюркские языки» многотомного энциклопедического издания «Языки мира», осуществляемого Институтом языкознания РАН, в статье «Тюркоязычных письменных памятников языки» писал, что «первый письменный литературный язык — язык памятников рунического письма (руническое койне) сложился на огузской основе с уйгурскими и кыпчакскими включениями» [Кононов, 1980. С. 35]. Налицо прямо противоположные суждения, и, думается, в них надо внимательнее разобраться.

Разрешение указанного противоречия зависит, на наш взгляд, от двух факторов: во-первых, от того, какой конкретно различительный признак кладется в основу сравнения, а во-вторых, какой конкретно из орхонских (ограничимся только старейшими текстами) памятников предоставляет материал. Если речь пойдет о чередовании начального б/м в словах типа

бен ‘я’, *беңү* ‘вечный’, *биң* ‘тысяча’, то текст Тоньюкука дает здесь везде б-, тогда как в надписях Кюльтегина и Бильге-кагана *против ожидаемого* наличествуют формы *беңү* ‘вечный’ и *биң* ~ *бың* ‘тысяча’, но всегда без нарушения местоимения 1-го л. ед. ч. *мен* и никогда — *бен*.

Если же обратиться к более значимому дифференциальному признаку древних диалектов, а именно к чередованию *д* (*δ*) ~ *й*, введенному А. Н. Самойловичем, то здесь нащупывается решение, которое достаточно кардинально отличается от предложений моих уважаемых учителей — А. Н. Кононова и Э. Р. Тенишева. Так, А. Н. Кононов подытожил свои размышления заключением, что «... принц Йолуг-тегин (реальный автор памятных текстов в честь Кюльтегина и Бильге-кагана) принадлежал к господствующему племени ашина, языком которого был огузско-уйгурский тип; ... Тоньюкук (автор надписи самому себе) представлял племя ашидэ, говорившее, по-видимому, на языке чисто огузского (тюркютского) типа» [Кононов, 1980. С. 40–41].

Если еще раз вспомнить, что слова с внутриосновным *д* (*δ*), такие как: *адак* ‘нога’, *адзыр* ‘жеребец’, *адыр-* ‘отделять’, *едгү* ‘хороший’, *йадаг* ‘пешком’, *кед-* ‘надевать’, *код-* ‘класть’, *коды* ‘вниз’, *тод-* ‘насыщаться’, *уд-* ‘следовать’, *уды-* ‘спать’ — и еще несколько десятков коренных тюркских лексем и в надписях Йолуг-тегина, и в надписи Тоньюкука все и всегда пишутся с дентальными согласными и почти никогда с проточным *й*, то на основании каких данных мы можем говорить, что у этих древних авторов были несхожие друг с другом, разного генетического типа языки (огузско-уйгурский и огузско-тюркютский), если по основному классификационному критерию — чередованию *д* (*δ*)/*й* они близнецы-братья? Может быть, А. Н. Кононов имел в виду только их разговорную компетенцию, но для обоснования этого нужны более скрупулезные аргументы. Что же касается письменно-литературного языка, на котором написаны эти и другие орхонские тексты, то вывод из всего того, что нами сказано на этот счет, однозначен: древнетюркский письменно-литературный язык един, в его основе лежит токузогузо-уйгурский диалект с классификационным признаком инлаутного *д* (*δ*). Причина того, почему в Тюркском государстве при политическом господстве населения, говорящего на огузско-тюркютском диалекте, литературно-письменный язык основан на диалекте сателлитов тюрков — огузско-уйгуров, долгое время оставалась неразрешимой загадкой, пока открытия и исследования последних лет в области тюркской рунологии не приблизили ученых к её раскрытию.

Использованная литература

- Кононов, 1980: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980.
 Kononov A. N. Grammatika iazyka tiurkskikh runicheskikh pamiatnikov VII–IX vv. L.: Nauka, 1980.

- Kononov A. N. Grammar of the language of the Turkic runic monuments of the 7th–9th centuries. Leningrad: Nauka, 1980.

МК ДЛТ, 2010: *Махмуд ал-Кāшгари*. Дивāн лугāt ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / пер. с араб. А. Р. Рустамова; под ред. И. В. Кормушина; предисл., введ. И. В. Кормушина; примеч. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского и А. Р. Рустамова. Т. 1. М., 2010. 461 с.

Махмуд ал-Кāшгари. Дивāн лугāt ат-турк (Svod tiurkskikh slov) / perevod s arabского A. R. Rustamova; pod redaktsiei I. V. Kormushina; predislovie, vvedenie I. V. Kormushina; primechaniia I. V. Kormushina, E. A. Potseluevskogo i A. R. Rustamova; v 3-kh tomakh. T. 1. M., 2010. 461 p.

Maḫmud al-Kāshgari. Dīwān luḡāt at-turk (Collection of Turkish words) / Translated from Arabic by A. R. Rustamov; Edited by I. V. Kormushin; Foreword, introduction by I. V. Kormushin; Notes by I. V. Kormushin, E. A. Potseluevsky and A. R. Rustamov; in 3 volumes. Vol. 1. M., 2010. 461 p.

МК ДЛТ, 2016: *Махмуд ал-Кāшгари*. Дивāн лугāt ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / пер. с араб. А. Р. Рустамова; под ред. И. В. Кормушина; предисл., введ. И. В. Кормушина; примеч. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского и А. Р. Рустамова. Т. 2. М., 2016. 511 с.

Махмуд ал-Кāшгари. Дивāн лугāt ат-турк (Svod tiurkskikh slov) / perevod s arabского A. R. Rustamova; pod redaktsiei I. V. Kormushina; predislovie, vvedenie I. V. Kormushina; primechaniia I. V. Kormushina, E. A. Potseluevskogo i A. R. Rustamova; v 3-kh tomakh. T. 2. M., 2016. 511 p.

Maḫmud al-Kāshgari. Dīwān luḡāt at-turk (Collection of Turkish words) / transl. from Arabic by A. R. Rustamov; ed. by I. V. Kormushin; Foreword, introduction by I. V. Kormushin; notes by I. V. Kormushin, E. A. Potseluevsky and A. R. Rustamov; in 3 volumes. Vol. 2. M., 2016. 511 p.

Самойлович, 1922: *Самойлович А. Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград,

1922 (цит. по: Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 77–87).

Samoilovich A. N. Nekotorye dopolneniia k klassifikatsii turetskikh iazykov. Petrograd, 1922 (tsit. po: Tiurkskoe iazykoznanie. Filologiya. Runika. M.: Vostochnaia literatura RAN, 2005. S. 77–87).

Samoilovich A. N. Some additions to the classification of Turkish languages. Petrograd, 1922 (cited by: Turkic linguistics. Philology. Runiform Script. M.: Vostochnaia literature RAS, 2005. P. 77–87).

Самойлович, 1926: *Самойлович А. Н.* К вопросу о классификации турецких языков. Баку, 1926 (цит. по: Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 77–87).

Samoilovich A. N. K voprosu o klassifikatsii turetskikh iazykov. Baku, 1926 (tsit. po: Tiurkskoe iazykoznanie. Filologiya. Runika. M.: Vostochnaia literatura RAN, 2005. S. 77–87).

Samoilovich A. N. Some additions to the classification of Turkish languages. Petrograd, 1922 (cited by: Turkic linguistics. Philology. Runiform Script. M.: Eastern Literature RAS, 2005. P. 77–87).

Тенишев, 1997: *Тенишев Э. Р.* Тюркоязычных письменных памятников языки // Языки мира / Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 35–46.

Tenishev E. R. Tiurkoiazychnykh pis'mennykh pamiatnikov iazyki // Iazyki mira / Tiurkskie iazyki. M.: Indrik, 1997. S. 35–46.

Tenishev E. R. Türkic-speaking written monuments languages // Languages of the world / Turkic languages. M.: Indrik, 1997. P. 35–46.

Igor V. Kormushin

The language of Orkhon and other runiform monuments as an ancient Turkic literary koine of mixed Uyghur-Oguz character

In this paper, we attempt to draw attention of experts in Turkic linguistics to the mixed nature of the Old Turkic Literary language. It is no surprise that an ancient literary language is not uniform linguistically, being an artificial — and cunning, in most cases — amalgam of words and forms taken from different dialects. This *koiné* phenomenon is known to different writing cultures. With regard to the Old Turkic *koiné*, the question of interest is which dialects were subject to amalgamation and which linguistic features allow to distinguish between these dialects. As we show, it is the features described in Mahmud al-Kashgari's *Dīwān* — a unique source on the Old Turkic dialect system, even if it is not fully comprehensive or complete — that help us to solve the problem. This paper is devoted to the participation of ancient Turkic dialects in the composition of the ancient Turkic literary language. This written language was first introduced to world Turkology in 1893–94. After the discovery, decryption and first readings of the monuments of a runiform (now more often in Turkic: Turkic runic) writing of the ancient circle — the first half of the 8th century, from the Orkhon River, in mid-western Mongolia, in place of the centers of the Ancient Turkic Khanate, which existed here in 552–744 years. We are talking about inscriptions widely known to all Turkologists in honor of Kul-tegin and Bilge-kagan, as well as monuments close to them in state-political terms in honor of Tonyukuk, El-Etmish, Kuli-Chor and several smaller texts that were discovered some later.

Key words: Old Turkic Literary language, Mahmud al-Kashgari, Turkic koine. ancient dialects, dialect correspondences.

Igor V. Kormushin — D. Sc. (Philology), Chief Researcher, Department of Ural-Altai Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Bolshoi Kislovsky per. 1, p. 1, Moscow, 125009, Russia).
iling@iling-ran.ru